УДК 94 (37).05
DOI

В. К. Хрусталёв

Асконий и Цицерон: к истории рецепции ораторского наследия Марка Туллия Цицерона в эпоху Ранней римской империи

Шесть комментариев к речам Цицерона, составленные Кв. Асконием Педианом, писателем и ученым эпохи Ранней империи, являются наиболее древним сохранившимся сочинением такого жанра в римской литературе. Дошедшие до нас от античности свидетельства, касающиеся биографии этого автора, немногочисленны. Тем не менее они позволяют в общих чертах обрисовать жизненный путь Аскония и составить некоторое, пусть и весьма неполное, представление о его ученых занятиях[1].

Даты жизни Аскония можно установить с высокой степенью точности благодаря свидетельству позднеантичного христианского автора Иеронима Стридонского (ок. 345/348–420). Под четвертым годом 213-й Олимпиады (который соответствует в «Хронике» 2092-му году от Авраама, т.е. 76 г.н. э. по нашему летоисчислению) Иероним пишет следующее (Hieron. *Chron.* 188 H [ad a. 2092 Abr.] = Suet. *Vir. ill.* 92 R):

«Q. Asconius Pedianus scribtor historicus clarus habetur qui LXXIII aetatis suae anno captus luminibus XII postea annis in summo omnium honore consenescit».

(Кв. Асконий Педиан считается прославленным историком. На семьдесят третьем году жизни он ослеп, после чего прожил еще 12 лет, весьма почитаемый всеми.)

Из этого сообщения не совсем ясно, какое именно событие Иероним относит к 76 г.: смерть Аскония или потерю им зрения. Те исследователи, которые

склоняются к первому варианту, определяют, таким образом, дату рождения Аскония как 9 г. до н.э.[2] Однако ряд ученых, начиная еще с некоторых ранних издателей[3], отдают предпочтение второй версии и датируют время жизни Аскония 3–88 гг. н.э.[4] В пользу этого варианта говорят как аргументы филологического характера, а именно наблюдения за словоупотреблением Иеронима, так и некоторые общие соображения[5]. Такая датировка не противоречит другим известным фактам биографии Аскония[6], поэтому ее можно принять как наиболее достоверную[7].

Почти всё литературное наследие Аскония оказалось утрачено[8]. До нас дошли только составленные им комментарии к шести речам Цицерона — «За Корнелия» (I и II), «В белой тоге», «Против Пизона», «За Скавра» и «За Милона» — написанные, по всей видимости, в достаточно короткий промежуток времени между 54 и 57 гг., т.е. в начале принципата Нерона[9]. Весьма вероятно, что Асконий составил комментарии ко всему корпусу цицероновских речей и, таким образом, сохранилась лишь небольшая часть его первоначального труда[10].

Все Аскониевы комментарии построены по одной и той же схеме: сначала идет краткое содержание (argumentum; ср. Quintil. *Inst. orat.* V. 10. 9) с изложением обстоятельств произнесения речи, затем — enarratio, «объяснение», т.е. леммы (lemmata) с пояснениями; иногда к ним присовокупляется небольшое заключение. Приводимые леммы, как правило, сравнительно велики по объему, часто включая в себя один или даже несколько периодов, так как Асконий, в отличие от большинства схолиастов, никогда не комментирует отдельные слова и фразы. Более того, он часто указывает конкретное место из речи Цицерона, содержащее комментируемый фрагмент: «около 160-й строки от начала» (‘uer. a primo circi. CLX’ — Ascon. 62), «тотчас за этим» (‘statim’ — Ascon. 67), «около середины речи» (‘circa medium’ — Ascon. 71) и т.д.

Для того чтобы оценить место и значение труда Аскония в рецепции творческого наследия Цицерона, следует сначала (естественно, только в самых общих чертах) рассмотреть отношение к личности М. Туллия, его политической деятельности и его ораторскому мастерству, характерное для римских авторов эпохи завершающего этапа гражданских войн и Раннего принципата[11]. В литературе этого периода достаточно четко выделяются две тенденции, одну из которых можно с некоторой долей упрощения охарактеризовать как «апологетическую», другую — как «критическую» по отношению к Цицерону. Иногда и то, и другое проступает одновременно в сочинениях одного автора.

В первые полтора десятилетия после гибели Цицерона, вплоть до конца гражданских войн, первая тенденция безусловно преобладает. Особенно ярко она проявляется в сочинениях писателей, имевших более или менее тесные личные связи с оратором (М. Туллий Тирон, Корнелий Непот). В качестве примера можно назвать биографию Цицерона в 4 книгах, написанную его вольноотпущенником Тироном (Ascon. 48[12]; ср.: Plut. *Cic.* 41. 3, 49. 1; Tac. *Dial.* 17; Gell. IV. 10. 6).

Положительно относятся к Цицерону также подавляющее большинство историков эпохи Августа и Тиберия, причем вне зависимости от своих политических предпочтений. Похвалы в его адрес высказывают как пророспубликански настроенный Кремуций Корд (Sen. *Suas.* VI. 19, 23), так и вполне лояльный режиму Принципата Веллей Патеркул (II. 66. 1–5)[13]. К этой же группе следует отнести монументальную «Историю Рима от основания Города» ('Ab urbe condita') Т. Ливия[14]. Сенека Старший (*Suas.* VI. 16–17, 21–22) передает рассказ Ливия о гибели Цицерона и цитирует данную им посмертную характеристику — ' πιτ φιον' — великого оратора[15]. Несмотря на ряд критических замечаний в адрес М. Туллия, Ливий высоко оценивает мужество, проявленное им перед лицом убийц, и, подводя итог своему рассказу, пишет (Sen. *Suas.* VI. 22):

«...Si quis tamen uirtutibus uitia pensaret, uir magnus ac memorabilis fuit, et in cuius laudes exsequendas Cicerone laudatore opus fuerit».

(...Если сопоставить добродетели [Цицерона] с пороками, то он был великим и достойным памяти человеком, чтобы воздать подобающую хвалу которому потребовался бы еще один Цицерон.)

Сам Сенека Старший в своих «Сваториях» также дает Цицерону идеализированную характеристику (*Suas.* VI–VII). Наконец, император Клавдий, известный своей склонностью к ученым и литературным занятиям, даже написал особое сочинение в защиту Цицерона от нападок Г. Азиния Галла (Suet. *Claud.* 41. 3; см. ниже).

Все эти хвалебные отзывы концентрируются вокруг нескольких основных тем[16]. В первую очередь превозносится необычайное красноречие Цицерона; во вторую — отмечаются его выдающиеся заслуги перед Республикой: прежде всего подавление заговора Катилины в 63 г. до н.э. и противостояние М. Антонию в 43 г. до н.э., закончившееся гибелью оратора.

Далеко не все громкие похвалы в адрес Цицерона, содержащиеся в этих сочинениях, следует воспринимать как искренние и отражающие истинные чувства авторов. Сюжеты, связанные с Цицероном (особенно с драматическими обстоятельствами его смерти), стали одной из излюбленных тем декламаций, во множестве составлявшихся в риторических школах эпохи (ср. «Сватории»), и, по-видимому, довольно часто хвалебные отзывы писателей Раннего принципата о Цицероне восходят к этим заученным в юности штампам. Показателен, однако, сам факт того, что преобладала в таких риторических упражнениях именно хвала, а не хула.

Критическая по отношению к Цицерону традиция проявляется в эпоху Раннего принципата гораздо реже. Наиболее ярким ее представителем был, по-видимому, историк, оратор и политический деятель Г. Азиний Поллион (76 г. до н.э. — 5 г.н.э.), который в своей «Истории» и некоторых других сочинениях[17] довольно жестко критиковал Цицерона и старательно подчеркивал компрометирующие его факты. Так как все сочинения Поллиона сохранились только во фрагментах, о позиции этого автора известно главным образом

из «Сваторий». Как отмечает Сенека Старший, Поллион «остался наивраждебнейшим к славе Цицерона» (Sen. *Suas.* VI. 14: 'infestissimus famae Ciceronis permansit') и «единственный из всех со злобой рассказывает о смерти Цицерона» (Sen. *Suas.* VI. 24: 'Ciceronis mortem solus ex omnibus maligne narrat'); тем не менее и он, «даже против своего желания» ('quamuis inuitus'), всё же вынужден был в своей «Истории» дать личности и деятельности Цицерона объективную оценку[18].

Кроме того, несмотря на славу первого оратора Рима, самому Цицерону еще при жизни (приблизительно с середины 50-х гг. до н.э.) пришлось столкнуться с критикой в свой адрес со стороны молодых ораторов-аттицистов (Г. Лициний Кальв, М. Юний Брут и др.), которые порицали стиль его речей и его ораторские приемы. Отголоски этих споров отчетливо прослеживаются в его риторических трактатах (*Orat.* 28–32, 75–90; *Brut.* 283–291). В эпоху Августа стиль Цицерона постепенно выходит из моды и всё чаще начинает восприниматься как устаревший. Многие ораторы нового поколения и преподаватели риторических школ отказываются от ориентации на Цицерона как на лучший образец римского красноречия. В числе наиболее показательных примеров следует назвать упомянутых ранее Г. Азиния Поллиона (Quintil. *Inst. orat.* XII. 1. 22) и его сына Г. Азиния Галла, который в своем сочинении об ораторском искусстве сравнивал красноречие Цицерона с красноречием своего отца и отдавал предпочтение последнему (Quintil. *Inst. orat.* XII. 1. 22; Plin. *Ep.* VII. 4. 3; Gell. XVII. 1. 1; Suet. *Claud.* 41. 3). Сенека Младший (apud Gell. XII. 2. 3–9), хотя и называет Цицерона «величайшим оратором» ('summus orator'), порицает его литературный стиль, замечая, впрочем:

«Non fuit <...> Ciceronis hoc uitium, sed temporis; necesse erat haec dici, cum illa legerentur».

(Этот порок свойственен не собственно Цицерону, но [его] времени; так необходимо было говорить, пока читались подобные [произведения] (Пер. А. Г. Грушевого).)

Много критиковал Цицерона популярный эпатажный ритор эпохи Августа Л. Цестий Пий (по происхождению грек из Смирны, см. Sen. *Contr.* VII. 1. 27; Hieron. *Chron.* 167 H [ad a. Abr. 2004] = Suet. *Vir. ill.* 127 R), написавший ответы на некоторые из его речей, в частности на речь «За Милона» (Sen. *Suas.* VII. 2; *Contr.* III. praef. 14–17; Quintil. *Inst. orat.* X. 5. 20). Известный судебный оратор Кассий Север даже привлек Цестия к суду за оскорбление имени Цицерона (Sen. *Contr.* III. praef. 17), а М. Туллий Цицерон-младший, будучи проконсулом Азии в середине или второй половине 20-х гг. до н.э., однажды, когда узнал, что Цестий находится на пиру среди гостей, велел высечь его за хулу в адрес своего отца (Sen. *Suas.* VII. 13)[19].

Таким образом, ко времени написания «Комментариев» складывается несколько парадоксальная ситуация. В литературе Раннего принципата Цицерон чаще всего положительно оценивается как государственный деятель. Одновре-

менно он возводится на пьедестал великого мастера красноречия — что, вольно или невольно, признают даже его недоброжелатели. Однако стилю Цицерона большинство ораторов не подражают, полагая его устаревшим, а его речи читают и изучают мало[20]. Так, Кассий Север в «Контроверсиях» Сенеки Старшего (III. praef. 16–17) говорит, что нынешние слушатели предпочитают всем прочим ораторам Цестия, учат наизусть его декламации и вовсе не читают речей Цицерона, за исключением тех, на которые Цестий написал свои ответы. Из живого человека, полного противоречий, Цицерон постепенно превращается в идеализированного трафаретного персонажа декламаций, символ римского ораторского искусства и символ своей эпохи, гибель которого ознаменовала конец свободной Республики. Как непревзойденный и почти недостижимый идеал для новых ораторов Цицерон окончательно утвердится в эпоху Флавиев, когда Квинтилиан напишет, что «имя Цицерона с человека перенесено на самое красноречие» (*Inst. orat.* X. 1. 112: 'Cicero iam non hominis nomen sed eloquentiae habeatur').

Рассуждая о том, какое же место в этой традиции занимает Асконий[21], правомерно задаться вопросом: в чем, собственно, заключалась цель написания «Комментариев»? Большинство исследователей сейчас принимают довольно давно предложенную гипотезу, согласно которой «Комментарии» представляют собой учебное пособие для мальчиков, проходивших курс обучения в риторической школе[22]. Известно, что в эпоху Раннего принципата как в риторических школах, так и на более ранних этапах обучения история в качестве отдельной дисциплины не преподавалась, а собственно исторические произведения (кроме Саллюстия, ценившегося за его художественные достоинства и моралистическую тенденцию) практически не читались[23]. Высказывалось предположение, что простой и ясный стиль сочинения Педиана может свидетельствовать о юном возрасте его адресатов[24]. Значительная часть материала, излагаемого Асконием (например описание отдельных аспектов процедуры рассмотрения дел в сенате, см. Ascon. 43–44) едва ли может быть рассчитана на взрослую и ученую аудиторию, потому что такие вещи ей должны были быть хорошо известны[25]. Австралийский исследователь Б. Маршалл предполагает, что «Комментарии» были созданы в качестве учебного пособия для собственных сыновей Аскония, о чем, в частности, свидетельствуют многочисленные обращения к ним в тексте (самый яркий пример — Ascon. 43). Так как есть веские основания предполагать италийское происхождение семьи Аскониев, пишет Б. Маршалл, вполне вероятно, что юные сыновья Педиана не имели глубоких познаний в истории Римской республики и нуждались в объяснении прежде всего исторического контекста речей Цицерона. С течением времени «Комментарии», по-видимому, получили распространение среди друзей Аскония, которые тоже могли захотеть использовать их для обучения своих детей, а потом, вероятно, и среди более широкого круга читателей[26]. Эту точку зрения разделяет Р. Дж. Льюис, хотя он и оговаривает, что Асконий, создавая свой труд, сразу

мог иметь в виду более обширную аудиторию[27]. С другой стороны, посвящение своего труда сыновьям было чрезвычайно распространено в римской литературе, чему есть масса примеров[28]. Поэтому Т. Килайн[29] решительно отвергает предположение Б. Маршалла и считает посвящение «Комментариев» не более чем условностью и данью традиции. По его мнению, труд Аскония с самого начала был предназначен для гораздо более широкой аудитории, а именно — для мальчиков, обучавшихся в риторической школе и готовившихся к сенаторской карьере. Доводы Т. Килайна представляются убедительными, но следует добавить, что всё же именно возраст собственных сыновей и опыт их обучения могли подтолкнуть Аскония к мысли о написании подобного сочинения. Даже если принять гипотезу Б. Маршалла, не подлежит сомнению, что «Комментарии» довольно скоро вышли за пределы узкого семейного и дружеского круга. Об этом свидетельствует тот факт, что они были известны уже младшему современнику Аскония Квинтилиану примерно через 40 лет после их написания (*Inst. orat.* V. 10. 9). Впрочем, писал ли Асконий изначально только для своих сыновей или сразу имел в виду большее количество читателей, это не отменяет главного — перед нами сочинение, предназначенное прежде всего для риторической школы.

Американская исследовательница К. Бишоп недавно выдвинула альтернативную гипотезу, согласно которой одной из главных целей создания Асконием своего труда было стремление защитить репутацию Цицерона как великого оратора от нападок позднейших недоброжелателей[30]. По мнению К. Бишоп, для Аскония Цицерон был «римским Демосфеном», последним великим оратором и государственным мужем погибающей Республики, фигурой, во многом олицетворявшей свою эпоху. Именно этим будто бы и объясняется тот факт, что его «Комментарии» носят преимущественно исторический характер[31].

Действительно, в сохранившейся части «Комментариев» Асконий ни разу не обращает внимания на риторические приемы, использованные Цицероном, на структуру или стилистические особенности его речей. Комментатора не слишком интересуют также вопросы грамматики и словоупотребления, которые затрагиваются лишь дважды. В первом случае (Ascon. 24) есть серьезные основания подозревать позднейшую интерполяцию[32]; во втором (Ascon. 76) Асконий специально поясняет употребление глагола ‘restituit’ вместо более правильного в данном контексте ‘constituit’, чтобы указать, что имела место ошибка не самого оратора, а переписчиков речи, но использует он для этого исключительно исторические доводы. Тем не менее едва ли эти особенности можно рассматривать как аргументы, подтверждающие гипотезу К. Бишоп. Отвергнуть это мнение побуждают следующие соображения. Во-первых, сам жанр комментария плохо подходит для защиты избранного автора от нападок недоброжелателей, и сложно представить, что заставило Аскония обратиться именно к нему, если он действительно ставил перед собой такую цель. Скорее можно было бы ожидать, что Педиан написал бы полемическое произведение

'Contra obtrectatores Ciceronis' (ср. с уже упоминавшимся выше сочинением императора Клавдия) — подобно тому, как он поступил в отношении критиков Вергилия (см. Suet. *Vir. ill.* 57; 66 R). Во-вторых, Асконий, как правило, чужд полемического задора и по большей части старается сохранять объективность. Из тех писателей, кого, пусть с натяжкой, можно было бы назвать «хулителями» Цицерона, в «Комментариях» упоминается лишь историк Фенестелла[33]. С ним Асконий часто дискутирует, но споры эти всегда касаются не оценок, а вопроса о достоверности или недостоверности сообщаемых Фенестеллой фактов (см.: Ascon. 31, 70 [?], 85–86)[34]. Из другого источника (Seru. III. 46 Th [Comm. ad Verg. *Ecl.* IV. 11]) известно, что Асконий поддерживал отношения с Г. Азинием Галлом, консулом 8 г. до н.э. Кажется крайне маловероятным, чтобы Педиан с его интересом к эпохе Республики не был знаком с сочинениями отца Галла Азиния Поллиона, в частности с «Историей»; тем не менее он ни разу не упоминает о них. Возможно, не следует придавать этому факту большого значения, ведь ссылки на труд Поллиона могли присутствовать в не сохранившейся части «Комментариев». С другой стороны, соблазнительно предположить, что от упоминания «Истории» Аскония отвратила враждебная позиция Азиния Поллиона по отношению к Цицерону; критиковать же этого автора Педиан не захотел из-за личных связей с его семьей. Попытки некоторых исследователей найти в «Комментариях» следы заимствований из сочинения Поллиона[35] не кажутся достаточно убедительными.

В пользу гипотезы о педагогическом предназначении «Комментариев» косвенно свидетельствуют также следующие наблюдения. Например, Асконий, подробно освещая ход конкретных судебных процессов, очень мало и бегло касается особенностей судебной процедуры в постоянных уголовных комиссиях (quaestiones perpetuae) в целом. Разумеется, нельзя полностью исключать, что эти вопросы были освещены в утерянных комментариях к предыдущим речам, среди которых было немало судебных. Однако выглядит подозрительным отсутствие внутренних ссылок на эти предшествующие комментарии, хотя Асконий весьма часто прибегает к этому приему, чтобы освежить память читателя (например, Ascon. 65: 'sicut iam ante dictum est'; Ascon. 79: 'ut iam diximus' и т.д.). Мальчики, изучавшие риторику, наверняка сами бывали на судебных процессах в quaestiones perpetuae, которые продолжали функционировать и в I в.н.э. Соответственно, они должны были быть знакомы с судебной процедурой, которая почти не отличалась от существовавшей во времена Цицерона, и объяснять им ее особенности не было нужды. Единственный раз комментатор подробно рассматривает процедурные вопросы, говоря о Помпеевых законах de ui и de ambitu 52 г. до н.э. (Ascon. 36, 38–39), которые были приняты из-за чрезвычайных обстоятельств, возникших после убийства П. Клодия и вводили особый порядок назначения судей и ведения процесса. Кроме того, Асконий специально останавливается на содержании ряда старых и уже давно не действовавших ко времени составления «Комментариев» судебных законов, таких как lex

Aurelia 70 г. до н.э. (Ascon. 17), lex Plautia 89 г. до н.э. (Ascon. 79), lex Pompeia 55 г. до н.э. (Ascon. 17). Некоторые из них (например Плавциев закон) вообще неизвестны из других источников. С другой стороны, как было отмечено выше, Асконий находит нужным подробно объяснять отдельные аспекты процедуры рассмотрения дел в сенате (Ascon. 43–44), заседания которого мальчики посещать не могли. Это же касается и механизма функционирования комиций (Ascon. 71), которые ко времени составления «Комментариев» потеряли всякое значение, поэтому некоторые детали процедуры могли быть уже непонятны и требовали пояснения.

Тем не менее не следует вслед за Б. Маршаллом[36] видеть в «Комментариях» труд, недалеко ушедший по своим ученым достоинствам от сборника исторических примеров (exempla), наподобие известного сочинения Валерия Максима. Педагогическая направленность «Комментариев» отнюдь не снижает их научной ценности. Это не только полезное учебное пособие для будущего оратора, но и в значительной степени — ученый труд. Нельзя не отметить очевидную склонность Аскония к антикварным изысканиям, о которой свидетельствует, например, его привычка обращаться к подлинным старинным документам (в частности 'Acta diurna') в поисках даже незначительных деталей (см.: Ascon. 19, 31, 44, 47, 49). Для того чтобы дать молодым людям общее представление об историческом фоне речей Цицерона, столь глубокие самостоятельные исследования были бы излишни[37].

Необходимо добавить, что в первые века Империи римские комментаторы в отличие от своих греческих «коллег» испытывали меньше нужды в объяснении текста с филологической точки зрения, так как комментируемые ими произведения были созданы относительно недавно: язык их не успел устареть и стать не совсем понятным читателю[38]. К этому следует добавить, что Цицерон вообще не принадлежит к числу трудных в языковом отношении авторов. В речах он по возможности избегал использования редких слов и архаизмов и выражался, в общем, на простой и ясной латыни[39]. Эти соображения также отчасти могут объяснить исторический характер труда Аскония.

Высказывалось предположение, что Асконий, создавая свое сочинение, мог ориентироваться на имевшиеся греческие образцы комментариев к речам Демосфена[40]. Эта гипотеза правдоподобна, хотя недоказуема. Интересно, что Асконий не использует греческий язык, к которому охотно прибегают позднеантичные комментаторы Цицерона. Это, по-видимому, также связано с исключительно историческим характером его пояснений, которые не требуют употребления риторических терминов греческого происхождения. Тем не менее не подлежит сомнению, что Асконий как образованный человек своего времени и глубоко эрудированный ученый свободно владел греческим языком и был хорошо знаком с греческой литературой.

У греков к тому времени уже существовала устойчивая традиция изучения речей выдающихся ораторов (в частности Демосфена) и составления коммен-

тариев к ним. До нас на папирусе, приобретенном в 1901 г. в Каире и хранящемся ныне в Новом музее в Берлине (*P. Berol.* 9780 R[41]), дошли отрывки такого сочинения, принадлежащего одному из наиболее видных ее представителей, александрийскому грамматику и лексикографу Дидиму (ок. 63 г. до н.э. — 10 г.н. э.), известному также по прозвищам «Халкентер» (Χαλκέντερος, «медное нутро») и «Библиолат» (Βιβλιολάθης, «забывающий книги»)[42].

В том, что Асконий был знаком с трудом Дидима и в какой-то степени ориентировался на него, нет ничего невероятного[43]. Комментариев к прозаическим произведениям, которые могли бы послужить для Педиана образцом, в Риме на тот момент существовало очень мало. Наиболее близко к этому жанру стояли, вероятно, комментарии к юридическим текстам — например, к Законам XII таблиц[44]. По-видимому, сам Асконий и стоял у истоков жанра комментария к речам в римской литературе либо по крайней мере был одним из первых его представителей. В сочинениях латинского и греческого авторов присутствовало, насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, немало сходных черт. Следует заметить, что сам Дидим испытывал определенный интерес к творчеству Цицерона и даже написал сочинение в шести книгах с критикой его диалога «О государстве» (Suida, s.u. Τράγκυλλος). Так же как Асконий, Дидим основное внимание уделяет разъяснению исторического контекста речей, а кроме того вопросам их аутентичности и датировки[45]. Этим он кардинально отличается от авторов схолий к Демосфену позднеантичного времени, которые концентрируются главным образом на риторических фигурах, вопросах языка и стиля[46]. При создании своего сочинения Дидим, по всей видимости, опирался на весьма широкий круг источников[47], хотя он не всегда называет их.

Необходимо отметить также избирательность Аскония: он комментирует лишь относительно небольшое число пассажей из каждой речи. Например, из речи «За Милона» Асконий комментирует фрагменты всего из 19 глав, в то время как позднеантичный схолиаст из Боббио — из 30 (притом, что текст его комментария сохранился лишь частично). Можно было бы предположить, что имеющиеся у нас комментарии Аскония также дошли не в полном виде, однако веских оснований для этого предположения нет[48]. Такую же избирательность, по-видимому, демонстрирует и Дидим, хотя плохая степень сохранности его труда делает точные подсчеты невозможными.

В заключение следует обратиться к вопросу об отношении Аскония к Цицерону как оратору и исторической фигуре. Чуть ранее уже говорилось о нарочитой беспристрастности изложения Педиана. Действительно, комментатор внешне старается сохранять объективность. В большинстве случаев он тщательно избегает каких-либо оценочных суждений и экспрессивных выражений. По этой причине выявить его собственную позицию непросто.

Разумеется, Асконий признаёт за Цицероном наличие дара слова, хотя и говорит об этом в предельно общих и абстрактных выражениях. Например, в предисловии к комментарию к речам «За Корнелия» читаем (Ascon. 61):

«Qua uero arte et scientia orationis ita ut et dignitatem clarissimorum ciuium contra quos dicebat non uiolaret, et tamen auctoritate eorum laedi reum non pateretur, quantaque moderatione rem tam difficilem aliis tractauerit lectio ipsa declarabit».

(И действительно, само прочтение [этой речи] обнаружит, с каким мастерством и глубоким знанием искусства красноречия,— так что, с одной стороны, он [Цицерон] и не оскорбил достоинства славнейших граждан, против которых говорил, а с другой, не позволил, чтобы их авторитетом был причинен вред подсудимому,— а также с какой умеренностью он вел это дело, столь трудное для других.)

Показательно, что далее в этом комментарии не приводится ни одного конкретного примера выдающегося мастерства Цицерона и не дается ни одного указания на использованные им риторические приемы — Асконию они, очевидно, не интересуют. Педиан весьма высоко, но снова в самых общих выражениях оценивает ораторские достоинства речи «За Милона» (Ascon. 42). В то же самое время Асконий с большой похвалой отзывается и об обвинительной речи П. Коминия, оппонента Цицерона на судебном процессе Г. Корнелия (Ascon. 61). Такой подход Педиана парадоксальным образом напоминает позицию «хулителей» Цицерона. Те, как было отмечено выше, по большей части также теоретически признавали за Цицероном наличие дара слова (хотя, быть может, и не столь охотно), но на практике жестко критиковали действительные или мнимые недостатки его стиля. Кстати, если бы Асконий действительно имел в виду дать отпор этим obtrectatores, можно было бы ожидать от него прежде всего защиты ораторских достоинств Цицерона, но ничего подобного в «Комментариях» нет.

Нет в тексте и восторженных похвал Цицерону как человеку и государственному мужу. Однако нельзя сомневаться в том, что Асконий относится к нему доброжелательно. Так, Педиан очевидно одобряет «постоянство и верность» ('constantia ac fides') М. Туллия в деле защиты Милона (Ascon. 38)[49]. Асконий указывает на 'ciuilis dignitas' («гражданское достоинство», или «положение в государстве») Цицерона, характеристику, которая день ото дня укреплялась во время его предвыборного соперничества с Катилиной и Антонием (Ascon. 83); отмечает его «остроумие» (Ascon. 26: 'urbanitas'). Интересно в этой связи взглянуть на оценки, которые Асконий в своих «Комментариях» дает врагам и политическим противникам Цицерона. Мы обнаружим, что комментатор отзывается о них почти всегда отрицательно (или сдержанно-нейтрально). Например, Кв. Цецилия Метелла Непота-сына Асконий называет «дурным и негодным гражданином» (Ascon. 64: 'malus atque improbus ciuis'). П. Клодий характеризуется как «сам также порочный молодой человек» (Ascon. 66: 'adulescens ipse quoque perditus'), а его законы называются «гибельными для римского народа» (Ascon. 8: 'perniciosi populo Romano'). Из патрициев в плебеи он перешел, по словам Аскония, «с величайшим бесчестьем» (Ascon. 26:

'per summam infamiam'). Что касается соперников Цицерона на консульских выборах 64 г. до н.э., Г. Антония и Л. Сергия Катилины, то они «из всех (кандидатов на должность. — *В. Х.*) вели наиболее бесчестную жизнь» (Ascon. 83: 'omnium maxime infamis eorum uita esset')[50]. Такие оценки совпадают с взглядом на этих лиц самого Цицерона, и едва ли их можно назвать полностью объективными. С другой стороны, нельзя сказать, что комментатор лишь рабски следует за оратором: например, он не пишет ничего подобного о респектабельном консуле 58 г. до н.э. Л. Кальпурнии Пизоне Цезонине, тесте Цезаря, которого Цицерон подвергает поношению в инвективе «Против Пизона».

Вместе с тем в сохранившемся тексте нельзя найти ни одного примера не только явной, но и скрытой критики каких-либо действий самого Цицерона. Более того: в ряде случаев Асконий прибегает к прямому оправданию его слов и поступков. Отметив, например, что, рассказывая об одном и том же событии в первой речи «За Корнелия» (fr. 27 P) и речи «Об ответе гаруспиков» (*Har. resp.* 24), М. Туллий излагает две абсолютно противоположные версии, Асконий объясняет (Ascon. 70):

«Non praeterire autem uos uolo esse oratoriae calliditatis ius ut, cum opus est, eisdem rebus ab utraque parte uel a contrariis utantur».

(Я же не хочу, дабы от вас ускользнуло то обстоятельство, что оратору позволено прибегать к уловкам: когда нужно, одни и те же факты используются [как доводы в пользу] и одной, и другой точки зрения, и даже в противоположном смысле.)

Асконий также избегает прямых указаний на ошибки и неточности, допущенные Цицероном. В тех случаях, когда они очевидны, комментатор пытается найти для них приемлемое объяснение, даже если оно может показаться натянутым. Например, в комментарии к первой речи «За Корнелия» Педиан так поясняет выражение Цицерона, явно не соответствующее исторической реальности (Ascon. 76):

«Inducor magis librariorum hoc loco esse mendam quam ut Ciceronem parum proprio uerbo usum esse credam»[51].

(Я скорее склонюсь к тому, что в этом месте ошиблись переписчики, чем поверю, будто Цицерон неверно употребил это слово.)

Но даже когда Асконий затрудняется объяснить, что, собственно, имел в виду оратор (см., например, Ascon. 2–3: обсуждение вопроса о юридическом статусе Плаценции), он не выражает открыто прямого несогласия с мнением Цицерона. Всё это свидетельствует о чрезвычайной авторитетности точки зрения оратора для его комментатора.

Несмотря на это, в комментарии к речи «За Милона» Асконий последовательно и сознательно разоблачает лживые утверждения Цицерона относительно обстоятельств рассматриваемого дела[52]. Его рассказ о событиях, основанный на документальных свидетельствах, почерпнутых из 'Acta diurna', во всех ключевых пунктах противоречит версии Цицерона, искусно сконструированной

таким образом, чтобы оправдать Милона. Например, Асконий пишет, что злополучная встреча Клодия и Милона на Аппиевой дороге, имевшая столь далеко идущие последствия, произошла «около девятого часа» (Ascon. 31), т.е. приблизительно в промежутке между 13:40 и 14:25 по современному римскому времени[53]. Цицерон же говорит, что она случилась «приблизительно в одиннадцатом часу или около того» (Mil. 29), т.е. в промежутке между 15:10 и 15:55; закат солнца в этот день (18 января 52 г. до н.э.) произошел в 16:42. Такой «перенос» событий всего на два часа вперед позволил оратору придать больше правдоподобия своей вымышленной истории о засаде, якобы устроенной злоумышлявшим против Милона Клодием под покровом сумерек (см. Mil. 23–33). Однако Асконий не акцентирует внимание на этих несовпадениях и иногда даже будто бы не замечает их, тем более он не упрекает за это Цицерона и не обвиняет его во лжи.

Подведем итог. Можно с большой долей уверенности утверждать, что Асконий, создавая свое сочинение, преследовал прежде всего педагогические цели. Вместе с тем в ряду латиноязычных авторов своей эпохи Асконий, безусловно, выделяется как эрудированный и оригинальный ученый[54]. Оценка, которую он дает личности и деятельности Цицерона, в целом находится в русле преобладавшей в его время «апологетической» тенденции. Его отношение к великому оратору можно охарактеризовать как сдержанно-доброжелательное. Как ученый, Педиан старается сохранять объективность, хотя при более внимательном рассмотрении оказывается, что весьма часто он все-таки смотрит на описываемые события и их участников глазами Цицерона.

Список сокращений

CR — Classical Review. Cambridge.

DNP — Der Neue Pauly. Stuttgart; Weimar, 1996–...

FRHist —*Cornell T. J.* (ed.) The Fragments of the Roman Historians. Oxford, 2013. Vol. I–III.

HSPh — Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge (Mass.).

KP —*Ziegler K., Sontheimer W.* (Hrsg.) Der kleine Pauly: Lexikon der Antike. Stuttgart; München, 1964–1975.

OCD — *Hammond N. G. L., Scullard H. H.* (eds.) Oxford Classical Dictionary. 2nd ed. Oxford, 1970.

RE — *Pauly's* Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung von G. Wissowa. Stuttgart, 1893–1972.

RhM — Rheinisches Museum für Philologie. Frankfurt am Main.

[1] Очерки биографии Аскония см. в предисловиях к изданиям: Q. Asconii Pediani orationum Ciceronis quinque enarratio / Rec. A. Kiessling, R. Schoell. Berolini, 1875. P. v–xi; Q. Asconii Pediani orationum Ciceronis quinque enarratio / Rec. A. C. Clark. Oxonii, 1907. P. v–viii, и в книге: *Marshall B. A.* A Historical Commentary on Asconius. Columbia, 1985. P. 26–32.

[2] *Wissowa G.* Asconius (3) // RE. 1896. Bd. II. Sp. 1524; Q. Asconii Pediani orationum Ciceronis quinque enarratio / Rec. A. C. Clark. Oxonii, 1907. P. vi; *Strzelecki W.* Asconius // KP. 1964. Bd. I. Sp. 635; *Richards G. C.* Asconius Pedianus // OCD. 1970. P. 130; Asconius. Commentary on Cicero's Speeches / Trans., introd., comm. R. G. Lewis. Oxford, 2006. P. xi; *FRHist* I, 48.

[3] Q. Asconii Pediani Patavini commentationes in aliquot orationes M. Tullii Ciceronis / Ed. F. Hotomanus. Lugduni, 1551. P. 2.

[4] Например: *Madvig J. N.* De Q. Asconii Pediani et aliorum veterum interpretum in Ciceronis orationes commentariis disputatio critica. Hauniae, 1828. P. 16; Q. Asconii Pediani orationum Ciceronis quinque enarratio / Rec. A. Kiessling, R. Schoell. P. vi; *Benario H. W.* Asconiana // Historia. 1973. Bd. 22. P. 64–71; *Kugelmeier Chr.* Quintus Asconius Pedianus // DNP. 1997. Bd. 2. Sp. 76. Б. Маршалл (*Marshall B. A.* A Historical Commentary... P. 28) не примыкает открыто ни к той, ни к другой точке зрения, но, кажется, тоже склоняется к более поздней датировке.

[5] См. подробнее: *Benario H. W.* Asconiana. P. 64–65.

[6] Например, Квинтилиан (*Inst. orat.* I. 7. 24) около 94 г. н. э. (о датировке его сочинения см.: *von Albrecht M.* Geschichte der römischen Literatur von Andronicus bis Boethius und ihr Fortwirken. 3. Aufl. Berlin; Boston, 2012. Bd. II. S. 1067) говорит об Асконии, используя имперфект, т. е. как об уже умершем.

[7] Особняком стоит мнение Дж. Рэмзи (*Ramsey J. T.* Studies in Asconius [Summaries of Dissertations for the Degree of Ph.D.] // HSPh. 1976. Vol. 80. P. 312), который вообще ставит под сомнение даты, сообщаемые Иеронимом. Он осторожно предполагает, что Асконий родился ок. 1 г. до н. э. и умер ок. 84 г. н. э.

[8] Долгое время считалось, что Асконию принадлежат сохранившиеся схолии к «Верринам», на самом деле составленные анонимным автором V в. н. э. (так называемым Псевдо-Асконием). Это заблуждение было убедительно опровергнуто лишь в начале XIX в. Й. Мадвигом (*Madvig J. N.* De Q. Asconii Pediani... P. 84–142), хотя сомнения в авторстве Аскония были высказаны еще до него известным историком Б. Нибуром (ссылки см.: *Madvig J. N.* De Q. Asconii Pediani... P. 86, N 3). О других книгах, авторство которых в XVI в. ложно приписывалось Педиану, см.: *Madvig J. N.* De Q. Asconii Pediani... P. 22–23.

[9] См. об этом: *Madvig J. N.* De Q. Asconii Pediani... P. 4–5; Q. Asconii Pediani orationum Ciceronis quinque enarratio / Rec. A. Kiessling, R. Schoell. P. x; Q. Asconii Pediani orationum Ciceronis quinque enarratio / Rec. A. C. Clark. P. v–vi; *Schanz M., Hosius C.* Geschichte der römischen Literatur: Bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Justinian. 4. Aufl. München, 1927–1935. Bd. II. S. 732; *Marshall B. A.* A Historical Commentary... P. 28–29.

[10] См.: *Madvig J. N.* De Q. Asconii Pediani... P. 21; Q. Asconii Pediani orationum Ciceronis quinque enarratio / Rec. A. Kiessling, R. Schoell. P. xiv–xix; *Schanz M., Hosius C.* Geschichte der römischen Literatur. Bd. II. S. 731; *Marshall B. A.* A Historical Commentary... P. 2–11.

[11] Эта проблема уже неоднократно становилась предметом специального изучения. См. (исключительно exempli gratia): *Zielinski T.* Cicero im Wandel der Jahrhunderte. 3. Aufl. Leipzig, 1912. S. 9–36; *Gambet D. G.* Cicero's Reputation from 43 B. C. to A. D. 79. Ph. D. Diss. Philadelphia, 1963; *Winterbottom M.* Cicero and the Silver Age // Éloquence et rhétorique chez Cicéron / Ed. W. Ludwig. Genève, 1982. P. 237–274; *Kaster R. A.* Becoming 'CICERO' // Style and Tradition: Studies in Honor of Wendell Clausen / Ed. P. E. Knox, C. Foss. Stuttgart; Leipzig, 1998. P. 248–263; *Keeline T. J.* The Reception of Cicero in the Early Roman Empire: The Rhetorical Schoolroom and the Creation of a Cultural Legend. Cambridge, 2018 (с библиографией).

[12] Здесь и далее при ссылках на Аскония нумерация страниц приводится по изданию: Q. Asconii Pediani orationum Ciceronis quinque enarratio / Rec. A. C. Clark. Oxonii, 1907.

[13] См. подробнее: *Gowing A. M.* Empire and Memory: The Representation of the Roman Republic in Imperial Culture. Cambridge, 2005. P. 44–48.

[14] Часть этого труда, посвященная истории Поздней республики, к сожалению, утрачена и сохранилась лишь в виде периох.

[15] Скорее всего, эти фрагменты происходят из 120-й книги сочинения Ливия, написанной около 13 г. н. э. (см.: Die Suasorien des älteren Seneca. Einleitung, Text und Kommentar / Hrsg. S. Feddern. Berlin; Boston, 2013. S. 434).

[16] См.: *Gambet D. G.* Cicero's Reputation... P. 228.

[17] В частности, в опубликованной версии речи «За Ламию» (см.: Die Suasorien des älteren Seneca. Einleitung, Text und Kommentar / Hrsg. S. Feddern. S. 428, 430–431). Интересно, что, произнося эту речь перед триумвирами, Поллион от обвинений в адрес Цицерона воздержался (см. Sen. *Suas.* VI. 15).

[18] Sen. *Suas.* VI. 24: 'Pollio quoque Asinius <...> testimonium tamen <...> plenum ei reddit'. Под 'testimonium plenum' в данном контексте следует понимать «свидетельство, раскрывающее как достоинства Цицерона, так и его слабости» (Die Suasorien des älteren Seneca. S. 458); ср. Sen. *Suas.* VI. 22, где Сенека так же характеризует свидетельство о М. Туллии Т. Ливия ('plenissimum testimonium').

[19] Впрочем, Цестий вообще отличался вздорным и желчным характером, а также был склонен к неумеренным самовосхвалениям (см.: *Brzoska J.* Cestius (13) // RE. 1899. Bd. III. Sp. 2008–2009).

[20] См. об этом также: *Kaster R. A.* Becoming 'CICERO'. P. 253–254, 257–258.

[21] Этот вопрос, хотя и нечасто, уже становился предметом специального рассмотрения (см. прежде всего *Gambet D. G.* Cicero's Reputation... P. 188–199).

[22] См., например: *Gambet D. G.* Cicero's Reputation... P. 189, 193; *Marshall B. A.* A Historical Commentary... P. 32–38; Asconius. Commentary on Cicero's Speeches. P. xv–xvi; *Keeline T. J.* The Reception of Cicero... P. 16–17.

[23] *Marshall B. A.* A Historical Commentary... P. 34.

[24] *Madvig J. N.* De Q. Asconii Pediani... P. 78; ср. Asconius. Commentary on Cicero's Speeches. P. xiii.

[25] См. об этом: *Keeline T. J.* The Reception of Cicero... P. 17.

[26] *Marshall B. A.* A Historical Commentary... P. 38; ср.: *Zielinski T.* Cicero im Wandel der Jahrhunderte. S. 36; *Gambet D. G.* Cicero's Reputation... P. 189, 193.

[27] Asconius. Commentary on Cicero's Speeches. P. xv–xvi.

[28] См.: *Winterbottom M.* Cicero and the Silver Age. P. 246, N 2.

[29] *Keeline T. J.* The Reception of Cicero... P. 16–17.

[30] *Bishop C.* Roman Plato or Roman Demosthenes? The Bifurcation of Cicero in Ancient Scholarship // Brill's Companion to the Reception of Cicero / Ed. W. H. F. Altman. Leiden; Boston; Köln, 2015. P. 283–306, см. особенно p. 285, 293–294.

[31] На эту особенность, коренным образом отличающую сочинение Аскония от позднейших схолий к речам Цицерона, обратил внимание уже Й. Мадвиг (*Madvig J. N.* De Q. Asconii Pediani... P. 81).

[32] См.: *Madvig J. N.* De Q. Asconii Pediani... P. 78–81; *Rau S. J. E.* Variarum lectionum liber ad Ciceronis orationes pertinens. Leiden, 1834. P. 102–103. Скорее всего, в этом месте в подлинном тексте Аскония к лемме (Cic. *Scaur.* Fr. S по изданию: M. Tulli Ciceronis orationes / Eds. A. C. Clark, W. Peterson. Oxonii, 1911. Vol. VI) вообще не было комментария: она понадобилась Педиану только для того, чтобы различить двух упоминаемых Цицероном Публиев Крассов (см.: Asconius. Commentary on Cicero's Speeches. P. 225). Какой-то позднейший автор вставил сюда грамматическую глоссу, которая при последующем переписывании была включена в основной текст. К. Бишоп, однако, ссылается на этот фрагмент как на принадлежащий самому Асконию (*Bishop C.* Roman Plato... P. 293).

[33] По поводу точных дат его жизни в источниках содержатся противоречивые сведения: Иероним пишет, что Фенестелла умер в 19 г. н. э. в возрасте 70 лет (*Chron.* 172 H [ad a. Abr. 2035]), а согласно Плинию Старшему (*NH.* XXXIII. 146), он умер в самом конце принципата Тиберия, т. е. около 36 г. н. э. Главный труд Фенестеллы, «Анналы», включавший по меньшей мере 22 книги, несомненно, использовался Асконием очень широко (см. *Lichtenfeldt C.* De Q. Asconii Pediani fontibus ac fide. Vratislaviae, 1888. P. 55).

[34] Б. Маршалл предполагает, что между этими авторами могло иметь место своеобразное научное соперничество (*Marshall B. A.* 1) Asconius and Fenestella // RhM. 1980. Bd. 123. S. 353–354; 2) A Historical Commentary on Asconius. P. 62). С другой стороны, Асконий упоминает сочинение Фенестеллы в одном ряду с трудами весьма уважаемых им Саллюстия и Т. Ливия (Ascon. 66).

[35] См.: *Lichtenfeldt C.* De Q. Asconii Pediani fontibus ac fide. P. 56–57; *Marshall B. A.* Asconius and Fenestella. S. 351.

[36] *Marshall B. A.* A Historical Commentary... P. 36–37.

[37] Например, лишь обращением к ‘Acta’ можно объяснить тот факт, что предисловие и заключение комментариев к речам «За Скавра» (Ascon. 18–20; 28–29) и «За Милона» (Ascon. 30–41; 53–56) содержат огромное количество мелких подробностей об этих судебных процессах. Именно здесь впервые появляются указания на то, когда имели место различные этапы уголовного процесса: postulatio (обращение к претору с просьбой о принятии жалобы), nominis delatio (вручение жалобы претору в присутствии ответчика), начало и окончание слушания дела (actio). Благодаря этому становится возможным установить весьма точную (вплоть до дня) хронологию суда над Скавром и ряда процессов 52 г. до н. э., связанных с убийством Клодия. В заключениях к речам «За Скавра» и «За Милона» Асконий также приводит число проголосовавших за оправдание и за осуждение судей по всем трем декуриям (сенаторов, всадников и эрарных трибунов). Разница особенно бросается в глаза при сопоставлении с комментарием к двум речам «За Корнелия», где Асконий, излагая обстоятельства судебного процесса, вынужден был опираться не на документы (так как ‘Acta’ начали составляться только в 59 г. до н. э., по инициативе консула Г. Юлия Цезаря, см. Suet. *Iul.* 20. 1), а главным образом на сами речи Цицерона и речь обвинителя П. Коминия, из которых он, разумеется, не мог извлечь подобных сведений (см.: *Clark A. C.* Cicero and Asconius // CR. 1927. Vol. 41. P. 75; *Marshall B. A.* A Historical Commentary... P. 55). Соответственно, его изложение становится гораздо менее детальным и вообще не содержит ни одной точной даты; едва ли это случайное совпадение. Именно ‘Acta’ легли в основу красочного и подробного рассказа Аскония об убийстве П. Клодия на Аппиевой дороге в 52 г. до н. э. и последовавших за этим событиях (Ascon. 31–41).

[38] См. об этом: *Madvig J. N.* De Q. Asconii Pediani... P. 57–59; *Zetzel J. E. G.* Latin Textual Criticism in Antiquity. New York, 1981. P. 28–37.

[39] См. подробнее, например: *von Albrecht M.* Cicero’s Style: A Synopsis. Leiden; Boston, 2003. P. 11–27.

[40] См.: *Schanz M., Hosius C.* Geschichte der römischen Literatur. Bd. II. S. 731; *Bishop C.* Roman Plato... P. 291–292.

[41] См.: http://berlpap.smb.museum/02726/ (дата обращения 15.04.2018).

[42] Лучшее на данный момент издание: Didymus. On Demosthenes / Ed., comm., trans. Ph. Harding. Oxford, 2006 (с английским переводом и комментарием).

[43] Так, по мнению М. фон Альбрехта, «то, что Асконий составил свои комментарии как Seitenstück к комментарию к Демосфену Дидима, является доказательством растущего самосознания римской литературы и римского литературоведения» (*von Albrecht M.* Geschichte der römischen Literatur... Bd. II. S. 1055).

[44] См.: Asconius. Commentary on Cicero’s Speeches. P. xv.

[45] См.: *Gibson C. A.* Interpreting a Classic: Demosthenes and His Ancient Commentators. Berkeley, 2002. P. 38–42.

[46] См.: *Bishop C.* Roman Plato... P. 287–289.

[47] См. подробнее: *Gibson C. A.* Interpreting a Classic. P. 29–38; Didymus. On Demosthenes. P. 20–31.

[48] См. *Marshall B. A.* A Historical Commentary... P. 21.

[49] Между тем именно в отсутствии constantia Цицерона часто обвиняли его враги (см. *Gambet D. G.* Cicero’s Reputation... P. 196); ср. такие его уничижительные характеристики, как ‘leuissimus transfuga’ (Ps.-Sall. *In Cic.* 7); ‘αὐτόμολος’ (Dio XXXVI. 44. 2, XXXIX. 63. 5, XLVI. 3. 4).

[50] Ср. *Gambet D. G.* Cicero's Reputation... P. 197.

[51] Ср.: Ascon. 5–6 (о датировке senatus consultum ultimum, принятого против Л. Аппулея Сатурнина); 13–14 (о восстановлении дома Цицерона за государственный счет); 48 (о покушении П. Клодия на жизнь Цицерона).

[52] См. *Gambet D. G.* Cicero's Reputation... P. 193–195.

[53] Римляне делили день (период от восхода до заката солнца) и ночь (от заката до восхода) на 12 равных часов, поэтому продолжительность часа зависела от времени года. Расчеты сделаны при помощи программы SkyMap Pro 12 (http://www.skymap.com/smp_eval.htm (дата обращения 09.05.2018)) с учетом широты Рима.

[54] Ср.: *Madvig J. N.* De Q. Asconii Pediani... P. 76–77.

References

Asconii Pediani Q. orationum Ciceronis quinque enarratio / Rec. A. Kiessling, R. Schoell. Berolini, 1875.

Asconii Pediani Q. orationum Ciceronis quinque enarratio / Rec. A. C. Clark. Oxonii, 1907.

Asconius. Commentary on Cicero's Speeches / Trans., introd., comm. R. G. Lewis. Oxford, 2006.

Benario H. W. *Asconiana* // Historia. 1973. Bd. 22. P. 64–71.

Bishop C. *Roman Plato or Roman Demosthenes? The Bifurcation of Cicero in Ancient Scholarship* // *Brill's Companion to the Reception of Cicero* / Ed. W. H. F. Altman. Leiden; Boston; Köln, 2015. P. 283–306.

Brzoska J. *Cestius (13)* // RE. 1899. Bd. III. Sp. 2008–2011.

Ciceronis M. Tulli orationes / Eds. A. C. Clark, W. Peterson. Oxonii, 1911. Vol. VI.

Ciceronis M. Tulli orationum deperditarum fragmenta / Ed. G. Puccioni. Editio secunda. Florentinae, 1972.

Clark A. C. *Cicero and Asconius* // CR. 1927. Vol. 41. P. 74–76.

Didymus. On Demosthenes / Ed., comm., trans. Ph. Harding. Oxford, 2006.

Die Chronik des Hieronymos (Hieronymi chronicon) / Hrsg. R. Helm. Berlin, 1956.

Die Suasorien des älteren Seneca. Einleitung, Text und Kommentar / Hrsg. S. Feddern. Berlin; Boston, 2013.

Gambet D. G. *Cicero's Reputation from 43 B. C. to A. D. 79.* Ph.D. Diss. Philadelphia, 1963.

Gibson C. A. *Interpreting a Classic: Demosthenes and His Ancient Commentators.* Berkeley, 2002.

Gowing A. M. *Empire and Memory: The Representation of the Roman Republic in Imperial Culture.* Cambridge, 2005.

Hotomanus F. [François Hotman] (ed.) Q. Asconii Pediani Patavini commentationes in aliquot orationes M. Tullii Ciceronis. Lugduni, 1551.

Kaster R. A. *Becoming 'CICERO'* // Style and Tradition: Studies in Honor of Wendell Clausen / Ed. P. E. Knox, C. Foss. Stuttgart; Leipzig, 1998. P. 248–263.

Keeline T. J. *The Reception of Cicero in the Early Roman Empire: The Rhetorical Schoolroom and the Creation of a Cultural Legend.* Cambridge, 2018.

Kugelmeier Chr. *Quintus Asconius Pedianus* // DNP. 1997. Bd. 2. Sp. 76.

Lichtenfeldt C. *De Q. Asconii Pediani fontibus ac fide.* Vratislaviae, 1888.

Madvig J. N. *De Q. Asconii Pediani et aliorum veterum interpretum in Ciceronis orationes commentariis disputatio critica.* Hauniae, 1828.

Marshall B. A. *Asconius and Fenestella* // RhM. 1980. Bd. 123. S. 349–354.

Marshall B. A. 1985: *A Historical Commentary on Asconius.* Columbia, 1985.

Ramsey J. T. *Studies in Asconius* [Summaries of Dissertations for the Degree of Ph.D.] // HSPh. 1976. Vol. 80. P. 311–313.

Rau S. J. E. *Variarum lectionum liber ad Ciceronis orationes pertinens.* Leiden, 1834.

Restauration und Erneuerung: Die lateinische Literatur von 284 bis 374 n. Chr. / Hrsg. R. Herzog. (Handbuch der lateinischen Literatur der Antike. Bd. 5 / Hrsg. R. Herzog, P. Schmidt). München, 1989.

Richards G. C. *Asconius Pedianus* // OCD. 1970. P. 130.

Schanz M., Hosius C. *Geschichte der römischen Literatur: Bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Justinian.* 4. Aufl. München, 1927–1935. Bde. I–II.

Seruii grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii / Rec. G. Thilo, H. Hagen. Lipsiae, 1878–1902. Vol. I–III.

Strzelecki W. *Asconius* // KP. 1964. Bd. I. Sp. 635.

Suetoni Tranquilli C. praeter Caesarum libros reliquiae / Ed. A. Reifferscheid. Lipsiae, 1860.

von Albrecht M. *Cicero's Style: A Synopsis.* Leiden; Boston, 2003.

von Albrecht M. *Geschichte der römischen Literatur von Andronicus bis Boethius und ihr Fortwirken.* 3. Aufl. Berlin; Boston, 2012.

Winterbottom M. *Cicero and the Silver Age* // Éloquence et rhétorique chez Cicéron / Ed. W. Ludwig. Genève, 1982. P. 237–274.

Wissowa G. *Asconius (3)* // RE. 1896. Bd. II. Sp. 1524–1527.

Zetzel J. E. G. *Latin Textual Criticism in Antiquity.* New York, 1981.

Zielinski T. *Cicero im Wandel der Jahrhunderte.* 3. Aufl. Leipzig, 1912.

Список литературы

Asconii Pediani Q. orationum Ciceronis quinque enarratio / Rec. A. Kiessling, R. Schoell. Berolini, 1875.

Asconii Pediani Q. orationum Ciceronis quinque enarratio / Rec. A. C. Clark. Oxonii, 1907.

Asconii Pediani Q. Patavini commentationes in aliquot orationes / Ed. F. Hotomanus [François Hotman]. M. Tullii Ciceronis. Lugduni, 1551.

Asconius. Commentary on Cicero's Speeches / Trans., introd., comm. R. G. Lewis. Oxford, 2006.

Benario H. W. Asconiana // Historia. 1973. Bd. 22. P. 64–71.

Bishop C. Roman Plato or Roman Demosthenes? The Bifurcation of Cicero in Ancient Scholarship // Brill's Companion to the Reception of Cicero / Ed. W. H. F. Altman. Leiden; Boston; Köln, 2015. P. 283–306.

Brzoska J. Cestius (13) // RE. 1899. Bd. III. Sp. 2008–2011.

Ciceronis M. Tulli orationes / Eds. A. C. Clark, W. Peterson. Oxonii, 1911. Vol. VI.

Ciceronis M. Tulli orationum deperditarum fragmenta / Ed. G. Puccioni. Editio secunda. Florentinae, 1972.

Clark A. C. Cicero and Asconius // CR. 1927. Vol. 41. P. 74–76.

Didymus. On Demosthenes / Ed., comm., trans. Ph. Harding. Oxford, 2006.

Die Chronik des Hieronymos (Hieronymi chronicon) / Hrsg. R. Helm. Berlin, 1956.

Die Suasorien des älteren Seneca. Einleitung, Text und Kommentar / Hrsg. S. Feddern. Berlin; Boston, 2013.

Gambet D. G. Cicero's Reputation from 43 B. C. to A. D. 79. Ph.D. diss. Philadelphia, 1963.

Gibson C. A. Interpreting a Classic: Demosthenes and His Ancient Commentators. Berkeley, 2002.

Gowing A. M. Empire and Memory: The Representation of the Roman Republic in Imperial Culture. Cambridge, 2005.

Kaster R. A. Becoming 'CICERO' // Style and Tradition: Studies in Honor of Wendell Clausen / Ed. P. E. Knox, C. Foss. Stuttgart; Leipzig, 1998. P. 248–263.

Keeline T. J. The Reception of Cicero in the Early Roman Empire: The Rhetorical Schoolroom and the Creation of a Cultural Legend. Cambridge, 2018.

Kugelmeier Chr. Quintus Asconius Pedianus // DNP. 1997. Bd. 2. Sp. 76.

Lichtenfeldt C. De Q. Asconii Pediani fontibus ac fide. Vratislaviae, 1888.

Madvig J. N. De Q. Asconii Pediani et aliorum veterum interpretum in Ciceronis orationes commentariis disputatio critica. Hauniae, 1828.

Marshall B. A. Asconius and Fenestella // RhM. 1980. Bd. 123. S. 349–354.

Marshall B. A. A Historical Commentary on Asconius. Columbia, 1985.

Ramsey J. T. Studies in Asconius [Summaries of Dissertations for the Degree of Ph.D.] // HSPh. 1976. Vol. 80. P. 311–313.

Rau S. J. E. Variarum lectionum liber ad Ciceronis orationes pertinens. Leiden, 1834.

Restauration und Erneuerung: Die lateinische Literatur von 284 bis 374 n. Chr. / Hrsg. R. Herzog. (Handbuch der lateinischen Literatur der Antike. Bd. 5 / Hrsg. R. Herzog, P. Schmidt). München, 1989.

Richards G. C. Asconius Pedianus // OCD. 1970. P. 130.

Schanz M., Hosius C. Geschichte der römischen Literatur: Bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Justinian. 4. Aufl. München, 1927–1935. Bde. I–II.

Seruii grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii / Rec. G. Thilo, H. Hagen. Lipsiae, 1878–1902. Vols. I–III.

Strzelecki W. Asconius // KP. 1964. Bd. I. Sp. 635.
Suetoni Tranquilli C. praeter Caesarum libros reliquiae / Ed. A. Reifferscheid. Lipsiae, 1860.
von Albrecht M. Cicero's Style: A Synopsis. Leiden; Boston, 2003.
von Albrecht M. Geschichte der römischen Literatur von Andronicus bis Boethius und ihr Fortwirken. 3. Aufl. Berlin; Boston, 2012.
Winterbottom M. Cicero and the Silver Age // Éloquence et rhétorique chez Cicéron / Ed. W. Ludwig. Genève, 1982. P. 237–274.
Wissowa G. Asconius (3) // RE. 1896. Bd. II. Sp. 1524–1527.
Zetzel J. E. G. Latin Textual Criticism in Antiquity. New York, 1981.
Zielinski T. Cicero im Wandel der Jahrhunderte. 3. Aufl. Leipzig, 1912.

В. К. Хрусталёв. Асконий и Цицерон: к истории рецепции ораторского наследия Марка Туллия Цицерона в эпоху Ранней римской империи

В статье исследуется вопрос о месте «Комментариев» римского автора I в.н. э. Кв. Аскония Педиана в рецепции ораторского наследия М. Туллия Цицерона в эпоху Раннего принципата. Автор выдвигает ряд предположений, объясняющих некоторые специфические особенности «Комментариев», в частности тот факт, что они носят почти исключительно исторический характер, коренным образом отличающий их от латинских схолий более позднего времени. Подвергнута критике недавно выдвинутая американской исследовательницей К. Бишоп гипотеза о том, что одной из главных целей, которую Асконий преследовал при создании своего сочинения, было стремление защитить репутацию Цицерона от нападок недоброжелателей. Приводятся дополнительные аргументы в пользу альтернативного мнения, согласно которому Асконий создавал свой труд как учебное пособие для риторической школы. Также рассматривается вопрос об отношении Аскония к Цицерону как оратору и государственному деятелю и делается вывод о том, что оно было благожелательным и в целом находилось в русле преобладавшей тогда «апологетической» тенденции.

Ключевые слова: Асконий, Цицерон, Поздняя римская республика, Ранняя римская империя, схолии, ораторское искусство, римская историография, рецепция.

W. K. Chrustaljow. Asconius and Cicero: On the History of Reception of Cicero's Rhetoric in the Early Roman Empire

The author examines the place of commentary on Cicero's speeches written by the Roman scholar Q. Asconius Pedianus (1st century AD) in reception of Cicero's rhetorical legacy in the Early Empire. Several suggestions are made to explain the specific features of Asconius' work, in particular the fact that it is almost entirely devoted to historical matters, which distinguish it radically from the Latin scholia on Cicero of the later period. The author criticizes the hypothesis posed recently by the American scholar C. Bishop who thinks that one of the principal aims of Asconius was to defend Cicero's reputation from attacks of his detractors. In the article the additional arguments are provided to reinforce the alternative view according to that Asconius wrote his work as a schoolbook for rhetorical schools. In the final part of the article the author discusses the question of Asconius' view of Cicero as orator and statesman. The conclusion is made that Asconius' attitude towards Cicero was favourable and reverent. He followed the general laudatory trend that dominated in his time.

Key words: Asconius, Cicero, Late Roman Republic, Early Roman Empire, scholia, art of rhetoric, Roman historiography, reception.

Хрусталёв, Вячеслав Константинович — к.и.н., доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.
Chrustaljow, Wjatscheslaw Konstantinovitsch — PhD, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia.
E-mail: vyacheslav2511@gmail.com